

Н.В.Летаева

ФЕНОМЕН ЖАЛОСТИ В ПРОЗЕ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Мотивно-тематический комплекс как составляющая поэтики прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции в современном литературоведении остаётся актуальной научной темой в силу незавершённости исследования. В статье рассматривается мотив жалости как один из основополагающих мотивов прозы так называемого «незамеченного поколения». Младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции выдвинуло на первый план страдающего «человека 1930-х годов», акцентируя внимание на жалости как действенном средстве преобразования жизни и человека. Более того, мотив жалости стал основополагающим для новой литературной школы русской эмиграции, названной Б.Поплавским «парижской школой».

Ключевые слова: младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, проза, поэтика, мотивно-тематический комплекс, мотив, жалость, парижская школа

Поэтика прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции продолжает оставаться актуальной темой литературоведческих научных работ в силу незавершённости исследования. Исследование художественного языка прозы русского зарубежья, системы её структурных особенностей и совокупности закреплённых за ней смыслов способствует воссозданию максимально полной и всеобъемлющей картины культуры русской диаспоры первой половины XX века, в частности, той части русских эмигрантов, коих принято называть «незамеченным поколением». Воссоздание этой картины во многом связано с изучением мотивно-тематического комплекса прозы так называемых «эмигрантских сыновей», раскрывающего их эстетику и мировоззрение. Одним из основополагающих мотивов мотивно-тематического комплекса прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции становится мотив жалости, феномену которого посвящена данная работа.

Рассуждая о литературе, Б.Поплавский как вдохновитель «парижской школы» «эмигрантских сыновей» утверждал, что «литература есть аспект жалости», сострадание, «огромное внимание и любовь к жалкому и величественному хаосу человеческой души» [1, с. 171, 175]. Эту жалость «сильного существа к погибающим» в противовес идее, ярко выраженной в горьковских словах «Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!», Б.Поплавский назвал «новой нотой литературы» [2, с. 63]. Младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, оказавшееся в условиях вынужденного изгнания, что не могло не отразиться на мотивно-тематическом комплексе прозаических произведений, выдвинуло на первый план страдающего «человека 30-х годов» (Ю.Терапиано) XX века, акцентируя внимание на жалости как действенном средстве преобразования жизни и человека, ибо в жалости растворяется индивидуализм, уничтожаемый духом кротости и всепрощения. «у меня же, у “моего поколения” потребность жалеть и прощать, вдохновляться жалостью и прощением», — писал Ю.Фельзен в «Письмах о Лермонтове» [3, с. 77]. Сострадание и жалость, в русском миромоделировании отождествляемые с любовью, проявлением истинно христианского духа, важнейшим аспектом духовности, нашли выражение в значительном корпусе прозаических текстов «незамеченного поколения».

Так, в «Романе с кокаином» М.Агеева мотив жалости становится одной из художественных форм изображения универсальных коллизий, связанных с борьбой сознания и подсознания, духовного и рационального, душевного и плотского. В романе, по крайней мере, представлены три эпизода, в которых жалость ставит главного героя Вадима Масленникова перед сознательным выбором человеческого / бесчеловечного в себе как человеке. В результате Масленников приходит к выводу о том, что именно жалость сдерживает в нём формирование своеобразно-отвратительного «ухаря» нигилистического толка, каким он хочет видеть себя в социофизическом пространстве.

Первая ситуация определена взаимоотношениями Масленникова с матерью. Разница в возрасте (на начало повествования Масленникову — 15, матери — 57 лет) в культурологическом плане априори предопределяет уважение к человеку, тем более к матери согласно пятой заповеди Божией. Несмотря на это, Масленников яростно ненавидит мать за то, что она старая и жалкая, за то, что он лишён возможности приглашать своих друзей к себе домой, за то, что она заставляет его лгать перед одноклассниками, когда он, стыдясь своей матери, называет её обнищавшей гувернанткой. На подсознательном уровне Масленников понимает, что говорить этого не следует, что он переживает за мать, но это переживание непродолжительно, и избавление от него Масленников называет исцелением, которое в свою очередь сопровождается множеством «злых мыслей», гримасой при виде матери, ненавистью к любящему взгляду её добрых глаз. В какой-то момент в душе Масленникова возникает желание сказать «мамочка» и подойти её поцеловать, но этот порыв мимолётен, поскольку уступает место уверенности в том, что жалость и нежные чувства в отношении матери неуместны.

Не менее отвратителен эпизод, в котором Масленников осознанно заражает случайно встреченную на улице девушку Зиночку. Однако, когда Зиночка уходит из гостиницы, внутренний голос Масленникова, «но не тот самоуверенный и нахальный», которым он «в своих воображениях, лёжа на диване, мысленно обращался ко внешнему миру, — а спокойный и незлобивый» (именно о таком Вадиме говорила мать, обращаясь к сыну: «Ты ведь хороший. Я знаю» [4, с. 10]), «который беседовал и обращался» только к нему самому, говорит: «Удивительная это вещь — удаляющаяся спина несправедливо обиженного и навсегда уходящего человека. Есть в ней какое-то бессилие человеческое, какая-то жалкая слабость, которая просит себя пожалеть, которая зовёт: которая тянет за собою. Есть в спине удаляющегося человека что-то такое, что напоминает о несправедливостях и обидах, о которых нужно ещё рассказать и ещё раз проститься, и сделать это нужно скорее, сейчас, потому что уходит человек навсегда, и оставить по себе много боли, которая долго ещё будет мучить, и может быть в старости не позволит ночами заснуть» [4, с. 20-21].

Любовь матери и нежность Зиночки совестят Масленникова, мешают «скоту преодолеть человека» [4, с. 20], и Масленников отчётливо понимает, что его «человечнейшие чувства словно ниточкой» связаны с его «звериными чувствами». Агеев метафорически изображает душу человеческую как качели, где «от наисильнейшего взлёта в сторону Благородства Духа и возникает наисильнейший отлёт в сторону Ярости Скота» [4, с. 162, 172]. Так было и в эпизоде, когда Масленников узнал, что у священника убили сына на войне: «Два чувства, два желания были сейчас во мне: первое — это прижаться к батюшкиному лицу, поцеловать его и нежно расплакаться; второе — бежать к Буркевицу, рассказать всё и жестоко посмеяться» [4, с. 60-61]. Парадокс, согласно философии Масленникова (и здесь Масленников изображается автором как резонёр), состоит в том, что если остановить душевные качели, существовать в «холодной разумности, в бездушии, следовательно в бесчеловечии» [4, с. 173], человек всё равно будет изнывать в душевной борьбе, воспринимая её как проклятие. Однако сама жизнь развенчивает теорию главного героя жертвенностью и любовью не только матери, но и няньки Масленникова, которая, жалея и его, и «барыню», отдаёт Вадиму все деньги, накопленные годами на старость, а также Зиночки, отдавшей накопленные десять серебряных пятакков за комнату в гостинице. Очевидно, что «человечнейшие» чувства могут сменяться «Яростью Скота» только в том случае, если человек сознательно культивирует в себе этот образ, к чему, несомненно, стремится Масленников на протяжении всего повествования, противясь любви, жалости, состраданию, сочувствию, соучастию и, как следствие, формированию в себе духовной личности. Борясь с жалостью, Масленников подавляет дух плотью, теряет волю к жизни, а в финале произведения и человеческий облик, и саму жизнь.

Борьба с жалостью является одним из ведущих мотивов в рассказе «Неравенство» Ю.Фельзена. Ольга Муравьёва, один из двух главных персонажей рассказа, в поисках внешнего (хорошего круга знакомых, признания, похвалы, «твёрдых» мнений, честолюбивой цели и относительного порядка) «душит в себе» чувства к Андрею Завадовскому, своему учителю и наставнику. Доброта Андрея, его деликатность, молчание из боязни огорчить или обидеть, в какой-то степени кротость и смирение рожают в душе Ольги, как и в душе Масленникова, необъяснимую злобу, неприязнь, мстительные чувства, порой свирепость, беспощадность или бесчувственность «до брезгливости». Свои мучительные встречи с Андреем Ольга пытается оправдать достаточно жестокой целью: зная, что Андрей болен («не мне его добивать») и нуждается в общении с ней, Ольга «заказала себе по-писательски Андрея “изучить”», чтобы «не жалеть о потерянном около него времени» [5, с. 41].

Подобную безжалостность Ю.Фельзен (и его позиция, думается, близка позиции М.Агеева) объясняет тем, что есть категория людей, которые не могут любить (а значит, и жалеть) или «должны любить скупое, признавая это падением, слабостью, временем недостойным себя» [5, с. 47], болезнью, от которой непременно нужно исцелиться (того же исцеления жаждал и Масленников), чтобы спасти свою личность от некоей раздвоенности. В финале рассказа Ольге тем не менее становится стыдно за свою непонятную безжалостность к Андрею. Это раскаяние, впрочем, не позволит героине ничего изменить в отношениях: болезнь Андрея обрекает его на неминуемую смерть. Сожаление о неминуемой гибели одного из двух близких друг другу людей, неравенство и болезненность их отношений, позднее раскаяние суть своеобразные аллюзии, например, на поэзию Тютчева, в частности на его денисьевский цикл. В широком смысле «незамеченное поколение», изображая в своих произведениях сложные психологические процессы, продолжает линию литературы байронического романтизма, подчёркивая и влияние философии Нового времени. Отметим, к слову, что и в «Неравенстве» противоестественны взаимоотношения дочери и матери. Смирная и безропотная, мать вызывает у Ольги отторжение: «... мама кинулась ко мне и обняла. Я выпрямилась, оттолкнула, и она, как всегда, не посмела спросить. Вдвоём стало невыносимо» [5, с. 48].

Борьбой с жалостью по отношению к мужу и дочери «занята» и героиня романа Е.Бакуниной «Тело». Рефлексия героини по отношению к этому чувству характеризуется отрицательным комплексом эмоций, девальвирующим содержание понятия: «отвратительная женская жалость», «уничтожающее жаление, постыдное и бесстыдное милосердие», «отвратительное» милосердие, «расслабляющая» жалость, «унижающее сострадание» [6, с. 146, 147, 137]. Жалость, как утверждает героиня, «разъедает» её, уничтожает её как личность, но в борьбе за собственное пространство против жалости (вплоть до убеждения в праве на суицид) героиня проигрывает: жалость оказывается сильнее индивидуализма и жажды смерти. Здесь можно отметить близость авторской концепции и философии В.Розанова о любви-жалости-материнстве, и философии Н.Бердяева, утверждающего, что семья порабощает личность и «создаёт трагические конфликты с призванием человека и с его духовной жизнью» [7, с. 232].

Сложная, многоаспектная и многоракурсная философия жалости представлена в прозе не только М.Агеева, Ю.Фельзена, Е.Бакуниной, но и Б.Поплавского (напр., в «Аполлоне Безобразов», «Бале»), В.Варшавского (напр., в «Уединении и праздности», «Из записок бесстыдного молодого человека»), Г.Раевского (напр., в «Священнике из Эрки»), С.Шаршуна (напр., в «Пути правом»), А.Бурова (напр., в «Мужике и трёх собаках», «Была земля», «С одинокими Господь»), В.Яновского (напр., в «Рассказе медика»), В.Самсонова (напр., в «Сказочной принцессе»), М.Горлина (напр., в «Нервах»), А.Алфёрова (напр., в «Море») и др. Эта сложная философия включает и жалость к собственному ничтожеству, и щемящую / острую / пронзительную / ранящую / мучительную / нестерпимую жалость к людям, жалость, связывающую, объединяющую всех. Два полюса жалости представлены в этой сложной философии: жалость пассивная, в которой кроется собственное спасение («Плачь, мальчик, плачь, слёзы это жалость к себе, и если ты себя не пожалеешь, кто ещё пожалеет тебя, сладкие слёзы, слёзы совести и отвращения, слёзы первого столкновения с равнодушием мира, подобно первому страху юнкера под артиллерийским огнём. Плачь... Все прошли через это, все остались на этом, все только вспоминают об этом, как земля о весенних дождях, и это ещё не те поздние слёзы, скупые, горькие, солёные, как аравийская пустыня, те страшные слёзы» [8, с. 145-146]), и жалость активная как проявление христианства в борьбе за гармонию. Само слово «жалость» как концепт формирует в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции словообразовательное гнездо, включающее имена, наречия, глаголы и его особые формы, в том числе с антонимическим значением, образуя оппозицию «жалость — безжалостность», в которой жалость определяется как единственная неэгоистическая, истинно моральная основа жизни, подлинной человеческой любви.

Сквозь призму жалости воспринималось и классическое наследие русской литературы, и творчество современников. Господствующее, всеобъемлющее чувство жалости отмечалось, например, в творчестве Чехова как явление естественное, без «надрыва», в то время как в творчестве Достоевского чувство жалости соединялось, по мнению П.Бицилли, с чувством отвращения [9, с. 167-168]. Б.Поплавский считал, что Д.Мережковский против жалости, Н.Оцуп, напротив, поэт жалости, а Джойс через жалость и сострадание раскрывает человеческую душу [1, с. 164, 167-169, 175].

Таким образом, возврат к человеку во имя жалости обозначил основной мотив прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, сформировал новую заповедь — «Человека жалеть надо!» (ср.: «сострадание есть абсолютная заповедь» [10, с. 106]), «ибо слишком долго русская литература говорила о жалости от Достоевского до Чехова и, может быть, вот наконец родилось христианское поколение», — именно в это хотел верить Б.Поплавский [2, с. 263]. Очевидна связь прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции с русской классикой (ср., напр., проверку своей теории Масленниковым и своей теории Раскольниковым на собственном опыте), очевидны евангельские аллюзии в текстах «эмигрантских сыновей» (ср., напр., десять серебряных пятачков, взятых Масленниковым у Зиночки, и тридцать сребренников, взятых Иудой), очевиден и лермонтовский код в прозе «незамеченного поколения» [11]. Именно Лермонтова Б.Поплавский называл первым русским христианским писателем [1, с. 171].

Важно и то, что Б.Поплавский, говоря о жалости, отождествлял литературу, жалость и христианство и согласовывал их с «духом музыки, которая хочет, чтобы симфония мира двигалась вперёд» [12, с. 310]. Полагая, что настоящее искусство может «родиться» в жалости, что «только жалость даёт постигание трагического» [1, с. 170, 171], Б.Поплавский в результате выводил творчество «эмигрантских сыновей», современников эпохи модернизма, на путь преемственности символизма и романтизма, называя этот путь парижской школой: «существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, всё время растущая — торжественная, светлая и безнадежная. Я чувствую в этой эмиграции согласие с духом музыки» [12, с. 310-311]. Б.Поплавский понимал литературу младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции как внутреннюю музыку, отмечал в новой литературе близость основным положениям, определяющим философскую сущность литературного символизма и романтизма, — к вере в силу искусства, в его способность преображать жизнь. Жалость рассматривалась как один из способов этого преображения. Жалость в итоге можно определять не только как мотив, но и как обретенную тему прозы (впрочем, и поэзии тоже) младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, как своеобразный феномен, положенный в основу создания новой литературной школы в русском зарубежье.

1. Поплавский Б. По поводу... // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 161-175.
2. Поплавский Б.Ю. Незданное: Дневники, статьи, стихи, письма / Сост. и коммент. А.Богословского и Е.Менегальдо. М.: Христианское изд-во, 1996. 512 с.
3. Фельзен Ю. Письма о Лермонтове // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 75-87.
4. Агеев М. Роман с кокаином: Роман; Паршивый народ: Рассказ / Статья Никиты Струве. М.: Худож. лит., 1990. 222 с.
5. Фельзен Ю. Неравенство // Литературное обозрение. М., 1996. № 2. С. 41-48.
6. Бакунина Е.В. Тело // Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарии О.Р.Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 135-151.
7. Бердяев Н.А. О назначении человека. (Опыт парадоксальной этики) // Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). М.: Высш. шк., 1992. 271 с.
8. Поплавский Б. Бал // Числа. Париж, 1934. № 10. С. 133-149.
9. Бицилли П. Чехов // Числа. Париж, 1930. № 1. С. 162-168.
10. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: YMCA-PRESS, 1952. 246 с.

11. Летаева Н.В. Оппозиция «Пушкин — Лермонтов» на страницах журнала русского зарубежья «Числа» // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, Великий Новгород, 2015. № 1(84). С. 42-45.
12. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 308-311.

References

1. Poplavskiy B. Po povodu... [About]. Chisla. Parizh, 1931, no. 4, pp. 161-175.
2. Poplavskiy B.Yu. Neizdannoe: Dnevnik, stat'i, stikhi, pis'ma [Unpublished: Diaries, articles, poems, letters]. Moscow, 1996. 512 p.
3. Fel'zen Yu. Pis'ma o Lermontove [Letters about Lermontov]. Chisla. Paris, 1931, no. 4, pp. 75-87.
4. Ageev M. Roman s kokainom: Roman; Parshivyy narod: Rasskaz / Stat'ya Nikity Struve [Romance with Cocaine: A Novel; Lousy People: A Story / Article by Nikita Struve]. Moscow, 1990. 222 p.
5. Fel'zen Yu. Neravenstvo [Inequality]. Literaturnoe obozrenie. Moscow, 1996, no. 2, pp. 41-48.
6. Bakunina E.V. Telo [Body] My. Zhenskaya proza russkoy emigratsii / Sost., vstup. stat'ya i kommentarii O.R.Demidovoy. St. Petersburg, 2003, pp. 135-151.
7. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. (Opyt paradoksal'noy etiki) [The destiny of man. The experience of paradoxical ethics]. In: Dmitrieva N.K., Moiseeva A.P. Filosof svobodnogo dukha (Nikolay Berdyaev: zhizn' i tvorchestvo). Moscow, 1992. 271 p.
8. Poplavskiy B. Bal [Ball]. Chisla. Paris, 1934, no. 10, pp. 133-149.
9. Bitsilli P. Chekhov [Chekhov]. Chisla. Paris, 1930, no. 1, pp. 162-168.
10. Berdyaev N.A. Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Existential Dialectic of the Divine and the Human]. Paris, 1952. 246 p.
11. Letaeva N.V. Opozitsiya "Pushkin — Lermontov" na stranitsakh zhurnala russkogo zarubezh'ya "Chisla" [The opposition "Pushkin — Lermontov" in the magazine of the Russian Diaspora "Chisla"]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, Velikiy Novgorod, 2015, no. 1(84), pp. 42-45.
12. Poplavskiy B. O misticheskoy atmosfere molodoy literatury v emigratsii [On the mystical atmosphere of young writers in emigration]. Chisla. Paris, 1930, no. 2/3, pp. 308-311.

Letaeva N.V. The phenomenon of pity in prose of the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration. The research of themes and motives complex as a component of the poetics of prose of the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration isn't completed and remains to be relevant. The article is devoted to the motive of pity as a one of important motives of prose of the so-called "unnoticed generation", which reveals the aesthetics and worldview of novice writers from Russian Diaspora. The younger generation of Russian writers of the first wave of emigration focused on pity as a means of transforming life and "human being of the 1930th". Moreover, the motive of pity as a form of verbal artistic creativity is underlies of creation of a new literary school of the Russian emigration, called by B.Poplavsky as a Paris school.

Keywords: younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, prose, poetics, themes and motives complex, motive, pity, Paris school.

Сведения об авторе. Наталья Викторовна Летаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; ORCID: 0000-0002-2309-8501; letaeva.n@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Летаева Н.В. Феномен жалости в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 287-290. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).287-290

For citation: Letaeva N.V. The phenomenon of pity in prose of the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration. Memoirs of NovSU, 2021, no. 3(36), pp. 287-290. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).287-290